

А. Г. Барамидзе

Саят-Нова по грузинским источникам

Великий армянский поэт Саят-Нова в значительной мере своего творчества и еще больше своей жизненной деятельностью принадлежал Грузии, грузинской культуре, грузинской поэзии. Саят-Нова — по словам его же современников — происходил „из грузинских армян“. Он родился, вырос, духовно возмужал, достиг творческих вершин и закончил свой славный жизненный путь поэта в Грузии, в Тбилиси, который он с любовью считал своей родиной („моя родина Тбилиси, край Картли“). Возможно, Саят-Нова дожил почти до самого начала прошлого, XIX столетия, как это предполагают некоторые саятноведы. По отдельным литературным данным, Саят-Нова как-будто действительно подвизался еще и при последнем грузинском царе Георгии XIII (1798—1800). Но чрезвычайно знаменательно, что, как по книжным традициям, так и по народному преданию, престарелый ашуг пал от руки подлого убийцы во время вторжения в Тбилиси диких орд кровожадного кизилбашского главаря Аги Магомет-Хана в 1795 г.

Народная память заслуженно считает своего величайшего гусана страдальцем-мучеником во славу своей веры и своей родины. Эта слава народной памяти не померкнет никогда.

По грузинским литературным данным и со слов самого поэта, Саят-Нова вышел из народных низов. „Я крестьянин, тавадом („князем“) быть не хочу“, вызывающе заявляет он в одном стихотворении. По смелости, решительности и нарочитости социальной акцептации, это заявление Саят-Новы не находит себе аналогии в богатой социальными мотивами грузинской поэзии XVIII века.

Маленький Арутин, будущий знаменитый поэт Саят-Нова, рос подмастерьем в тбилисских трущобах, повидимому, дослужил до почетного звания мастера, но так и не удается подлинно установить, к какому собственно профессионально-ремесленному цеху он примыкал. И это вполне понятно. Арутин уже с детства обнаружил недюжинный талант поэта-импровизатора и даровитого певца и сазандара. „У меня, у Саят-Новы, сила в голосе“, говорит он в одном грузинском стихотворении. И, действительно, настоящей профессией Саят-Новы становится профессия поэта-ашуга. Школьного образования Саят-Нова, повидимому, не получил, но он все же был в доста-

точной степени грамотным человеком, хорошо изучившим армянскую и грузинскую письменность как духовного, так и светского направления (Саят-Нова обнаруживает хорошее знакомство и с азербайджанско-персидской поэтической культурой). „Я грамотей, силой своего слова продвигавшийся вперед“—говорит поэт. Быстро распространялась по тбальским кварталам слава о талантливом молодом ашуге; вскоре он делается всеобщим любимцем городского, преимущественно ремесленного люда. Но этого мало. Саят-Нова делает блестящую, для своего времени, поэтическую карьеру. Сначала он неразлучный член свиты царевича Георгия, последнего царя Грузии, а потом знаменитый грузинский царь и прославленный полководец Ираклий II, большой почитатель поэзии и искусств, призывает к себе Саят-Нову и передает ему почетную должность придворного ашуга-сазандара. „Я сазандар грузинского царя, именуюсь Арутином-Саят-Новой“—с приличествующим его сану достоинством провозглашает поэт в своем стихотворении.

Вначале весьма благоприятно развивались отношения между грузинским царем и народным ашугом. Ираклий был исключительно милостив к поэту. Поэт с своей стороны достойно оплачивал эту милость доступным ему языком поэзии. Саят-Нова посвятил Ираклию много глубоких и глубоких очаровательных лирических стихов. Конечно, стихи эти несут некоторый налет традиционной придворной хвалебной поэзии, но в них, безусловно, сквозит искреннее восхищение поэта патриота большим государственным умом Ираклия, его предприимчиво-преобразовательной деятельностью, его высоким полководческим дарованием и, наконец, обаянием его личности. Саят-Нова правдиво выражал умонастроения определенных передовых кругов грузинской общественности, когда Ираклий именовал „душою и сердцем всей Грузии“. Лицо Саят-Нова Ираклий считал своим „духовным отцом“ (духовно отцом и матерью), с обнаженным мечом героически отражавшего натиск многочисленных врагов материнской христианской страны. Саят-Нова просто, по ашугски неумело, искренне, без всяких словесных ухищрений, но очень трогательно обращается к Ираклию:

Ты озаряешь [лучами] страну, луна и солнце ты,
 Если бы никогда не померь этот свет, какой ты хорошии
 [светилам] день!

Саят-Нова любовно и задушевно называет своего повелителя именем своего неразлучного инструмента—саза. „Ты прекрасный инструмент, ты [настоящий] саз“. Верно и честно служил Саят-Нова своему долгу „И верен [чести], неперинуть я не прищав“, как говорится III.

Нам неизвестно, как долго он служил Саят-Нова на положении придворного поэта-сазандара. В середине шестидесятых годов XVIII столетия, около 1766 года, Саят-Нова был изгнан со двора Ираклия II

Достоверно неизвестны причины его изгнания. Поверившимся, поэт сделался жертвой злобной клеветы. Хотя поэт говорит, что он «тярjami приглашался на меджлисы, тавады отводились в честь и почетом», но отдельные представители высшей знати (и другие члены знатных слоев общества) не могли терпеть в их среде, на торжественных приемах и меджлисах, безродного поэта-изгнанника, который пользовался исключительным вниманием и доверием царя. Сильнейшим классовое презрение со стороны аристократического слоя по отношению к талантливейшему народному поэту и послужило, надо думать, причиной злобности Саят-Новы. Бездарные, алчные и жадные ябедники, возможно и из поэтических кругов грузинской знати, клеветали правдивым сердцем, может быть немногим важным, но и дрянным поэтом.

Характерно, что в стихах, сочиненных в юности, особенно под впечатлением изгнания, Саят-Нова подчеркивает свою одиночество и безродность, называя себя несчастным костьюшином. В злополучный день изгнания Саят-Новы, в блистательном одеянии, с драгоценным инструментом в руках, собираясь предстать двору, как ему совершенно неожиданно унижительно заявили: «Убирайся, ты, под грязный ковер». «Языком (голосом) своим проуможи свои горести, Саят-Новы, ты готов к (томной) скорби», — заявили ему.

Оклеветанный поэт яростно бичует низких злодейских, злонамеренных на представителей аристократического общества. «Кому человеку в чем пригодится его родомитость?», «Некоторые люди горестно продолжают поэт-пресмыкаются как черви, только меньшего яда».

Вот эти пресмыкающиеся гады оселезетате и заторили нашего поэта. Саят-Новы с искренней жалобой обращается к царю Ираклию и просит правосудия: «Учини правосудие, ты, государь». «Борюся сохрани у себя Саят-Новы, такого хорошего сына (родомитого) не найдешь», — предостерегает он царя в другом месте. Поверившему Ираклию не внял жалоба поэта, но в самом случае чуждого правосудия ему не учинили. Торжествами тайные и чужие зря и юрты. Клеветники распоясались, лицемеры хитрили. Народный поэт был унижен, раздавлен... В несчастье все отвернулось от него, даже бывшие друзья покинули злополучного судьбю. «И те, в которых и был особенно сердечен, все (и один только) сваяли, ты, бесноватая гора».

Так трагически окончилась поэтическая карьера Саят-Новы при дворе грузинского владыки.

Грузинские стихи Саят-Новы в основном проникнуты оптимистическим настроением. Народный поэт-трубач — воодушевлен, весел, здоровой и разумной жизни, жизни полной благородных поступков, доброты, романтических увлечений. Саят-Новы певец мира, меджлисов, веселья. Но поэт непадает и крайности, он защитником разумных начал народа, он резко осуждает эгоизма и трусости.

Будем пить вино,—водка, это наше увлечение.
 Меджлисы-сазандары, саз, это наше увлечение.
 Прогоним (соперника) садовника, сал, это наше
 увлечение.
 Хороший пир... хорошее время... хороший день.

В другом месте поэт многозначительно предупреждает:

Саят-Нова входит в меджлисы.
 Любит он веселье, осуждает перебранку.

Саят-Нова в своих грузинских стихах преимущественно воспевает любовь. „Если ты хочешь говорить языком любви, Саят-Нова мастер слов изысканных“. И вот, мастерски изысканным ашугским словом Саят-Нова воспевает пылкую и страстную, но всегда возвышенную и благородную любовь. Хотя моментами мотивы любви у поэта заслонены оттенками книжной традиции, кое-где у него даже появляются сугубо книжно-риторические выражения, чересчур остро чувствуются стилистические особенности восточной поэзии, аллегоризмы и канонизованные формы развернутых метафор. В поэзии Саят-Новы еще сильна стихия любовной символики „розы и соловья“, но в общем и целом, любовная лирика Саят-Новы удивительно простая, безупречно-безыскусственная, задушевная, так сказать, народно-ашугская. Поэт непринужденно просто, но очень выразительно и смело, в высшей степени оригинально и образно передает чувство любовных томлений:

Я, несчастный Саят-Нова, днем и ночью плачу по тебе,
 Ночь провел бессонно, как влюбленная звезда по луне.

Иногда, как-будто, крайняя искренность поэта граничит с некоторой наивностью вождений:

Письмо твое я получил, моего зачем не прочла?
 Как это так позабыла меня, ни разу обо мне и
 не вспомнила.

Я болел, укрыться хотелось одеялом твоим.

В былые времена поэт горделиво заявлял: „Слово скажет Саят-Нова, громом грянут небеса“. Но, как выше было сказано, неожиданно был прерван нормальный жизненный путь Саят-Новы. События, связанные с изгнанием поэта, наложили глубочайший отпечаток на его творчество. Разочарованный поэт впал в страшное уныние, он отвернулся от жизни, проклял преходящий тленный мир, презрительно бичуя лживость, вероломство и гнусность людей. Саят-Нова с глубокой лиричностью передает свои меланхолические, а порой и тяжелые пессимистические настроения, вызванные превратностью судьбы: „Я не выдержу эту (гнетущую) скорбь“—прорывается у поэта, как будто даже и возлюбленная отвернулась от него. Отчаявшийся поэт, потеряв веру в благородство человеческой души, отгоражи-

вается от окружающей среды, замыкается в свой собственный внутренний мир переживаний, иронически поучает себя:

Прошло твое время, Саят-Нова,
На что тебе песни, Саят-Нова!
Все (торжествующим лицемерием) встречают
тебя, о, Саят-Нова,
Куда идешь, ко мне спеши, Саят-Нова!

— „Я не хочу твоего (вероломного) братства,“ — с непередаваемым в переводе негодованием и ярким поэтическим словом замыкает поэт эту блестящую строфу. Саят-Нова чувствует всю мизерность своего существования отверженной твари, и в одном армянском стихотворении безрадостно уверяет свою верную подругу (спутницу):

Буду я, или не буду,
Меджлисы не будут лишены саза.
Если кто и почувствует утрату, эту утрату
почувствуешь только ты.
Мир же и одного волоска не потеряет.¹

Следует учесть, что в поэзии Саят-Новы мотивы отречения и скорби носят глубокий социальный смысл. Эти мотивы, конечно, обусловлены не столько личными невзгодами поэта, сколько невзгодами того общественного слоя, к которому он принадлежал. Поэт то явно, с вызывающим негодованием осуждал в значительной степени уже разложившееся высшее феодальное общество Грузии конца XVIII века, то задушевной лирической скорбью выражал свой искренний протест против порочных социальных устоев этого общества.

У Саят-Новы множество глубокомысленных по содержанию и поэтически прекрасно выраженных мудрых изречений (афоризмов и сентенций). Например:

Как может свинья ползть на дерево,
Да уберется из общества зловредный человек!

Глубоко задетый социальной несправедливостью, поэт отвернулся от ненавистного ему общества, ушел в мир духовных размышлений и мистических созерцаний, уединился в Ахпатском монастыре. Саят-Нова никогда не был религиозно настроенным, тем более церковно-конфессионально мыслящим человеком. Возможно, что роковой шаг Саят-Новы был результатом вынужденного акта, а не добровольного решения поэта. В стихотворении, посвященном осмеянию своего положения монаха, Саят-Нова прямо заявляет: „Эта участь исходит от моего наставника (или духовника, духовного отца)“. Если учесть, что Саят-Нова духовным отцом называл царя Ираклия, можно предпо-

¹ Ср. Антология армянской поэзии, М. 1940, стр. 331.

ложить, что непосредственным виновником своей безрадостной участи поэт считает именно царя Ираклия. Как бы то ни было, около 1765 года Саят-Нова был посвящен в сан священника под именем Тер-Степана, как это установил проф. Л. Меликсет-Бек, а потом, не раньше 1768 года, он постригся в монахи. Саят-Нова не мирился со своим положением, он зло высмеивал свое монашество. Один замечательный отрывок из известного произведения царевича Иоанна „Калмасоба“ ярко характеризует поэтический и человеческий облик Саят-Новы-монаха. По рассказу царевича, во время хождения по сбору „калмас“, иподиакон Иоанн Хелашвили посетил Ахпатский монастырь. Вдруг совершенно неожиданно до слуха иподиакона донеслись странные звуки ашугской песни. Пораженный иподиакон узнает, что это монах Саят-Нова наигрывает на чонгури и напевает им же сложенные стихи: „О, бедная ты, моя голова, чем ты стала“. В стихотворении, как было сказано, Саят-Нова с горькой иронией высмеивает свое новое положение. На вопрос изумленного иподиакона, как это позволяют ему в монастырской обители наигрывать и петь мирские песни, Саят-Нова отвечает, что, мол, когда его посвящали в духовный сан, случайно за пазухой у него были струны от чонгури, таким образом, волей-неволей оказались освященными и струны. Стечение счастливых обстоятельств дает ему право наигрывать на этих освященных струнах...

Сообщение царевича Иоанна заслуживает полного доверия. Не вызывает никакого сомнения, что Саят-Нова никогда не мирился со своим положением монаха и в мрачной келье монастыря у него билось пылкое ашугское сердце. На основании изложенного заслуживает доверия и предание о том, что монашествующий Саят-Нова в минуты сильного душевного возбуждения убегал из монастыря, появлялся на улицах родного ему города Тбилиси и перед торжествующей толпой напевал свои излюбленные песни молодости. Да, Саят-Нова был и остался до конца своей жизни подлинным народным певцом и поэтом.

Особо следует отметить, что Саят-Нова является смелым новатором в области грузинской версификации, в частности он первый в Грузии стал писать знаменитым стихом „мухамбази“. Мухамбази сыграли громадную роль во всей восточной поэзии новых веков, исключительно было значение мухамбази и для грузинской поэзии. По свидетельству известного уже нам ученого писателя царевича Иоанна, Саят-Нова впервые „начал петь по-грузински на персидский лад“. Велико было увлечение стихами мухамбази в грузинской поэзии во второй половине XVIII и в первой половине XIX века. Поэтический ученик Саят-Новы Шамчи Мелко патетически восклицает: „Мухамбази, какой ты сладкий песенный мотив“. На манер мухамбази писали выдающиеся грузинские поэты Бесики, Александр Чавчавадзе, Григорий Орбелиани и даже Акакий Церетели. В наше советское время в несколько модернизированной форме мухамбази использовал

Иосиф Гришашвили, замечательный поэт и первый серьезный исследователь в грузинской действительности поэтического наследия Саят-Новы. В частности Гришашвили принадлежит известное стихотворение „Мухамбаз Армении“. Сильное увлечение мухамбази вызвало резкую реакцию в некоторых аристократическо-книжных слоях грузинского общества. Вахтанг Орбелиани, представитель этих слоев, язвительно заявляет:

Я не люблю песни „мухамбази“,
Песни городских площадей, песни кинто.

Своим народным духом, социальной значимостью, демократизацией языка, а также новаторством в области форм поэтической культуры Саят-Нова занимает почетное место в истории грузинской литературы. В некоторой степени его последователями являются названные выше выдающиеся грузинские поэты Бесики, Александр Чавчавадзе, Григорий Орбелиани.

Пламенному поэту-гражданину и тонкому певцу любви и человеческой скорби Саят-Нове чужды националистические умонастроения, он подлинно народный поэт, который символически олицетворял духовное братство и содружество основных народностей Закавказья—армян, грузин и азербайджанцев. В этом смысле Саят-Нова, без преувеличения можно сказать, в закавказском масштабе являл тип передового поэта-гражданина, своеобразного поэта-интернационалиста.

В Грузии интенсивно изучается литературное наследие великого ашуга: в 1918 году появилось полное собрание грузинских стихов Саят-Новы под редакцией и с обширной монографией поэта и литературоведа И. Гришашвили. В настоящее время И. Гришашвили закончил подготовку к печати второго издания своего труда. Большую услугу оказал делу научного изучения Саят-Новы член-корреспондент Академии Наук Армянской ССР, заслуженный деятель науки, проф. Л. Меликсет-Бек; ему принадлежит обстоятельная монография на грузинском языке „Саят-Нова“ (Тбилиси, 1930), ряд интересных отдельных статей; а также перевод на грузинский язык всех армянских стихов Саят-Новы (Тбилиси, 1935). Интересна монография поэта-литературоведа, действительного члена Академии Наук Грузинской ССР Г. Леонидзе (Тбилиси, 1930). Должное внимание уделяет поэзии Саят-Новы в своем обширном курсе истории грузинской литературы действительный член Академии Наук Грузинской ССР проф. К. С. Кекелидзе.